

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

Четверть века «Живой старины»	2
ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ	
А. А. Плотникова. «Бабьи каши»: слово и ритуал в динамике народной традиции у староверов Добруджи	2
М. М. Валенцова. «Каменная моя голова...»: об одном обычае при первом грома	6
Д. Ю. Ващенко. День св. Люции в традиции градищанскохорватских и венгерских сел западной Венгрии	9
В. А. Шилкин. Фомин день в Волгоградской области	13
В. Е. Овсейчик. Обряд <i>Прыкладзіны</i> у белорусов Подвинья	15
Купальские обряды в белорусских деревнях на Гомельщине. Публикация Г. И. Лопатина	18
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ШЕКСНИНСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	
А. А. Макарова. Из заметок по топонимии и антропонимии Шекснинского района	21
Ю. А. Кривошапова. Народная хрононимия Шекснинского района Вологодской области	25
Я. В. Малькова. «Пойдем в горе!»: об одной игровой лингвокультурной традиции Вологодчины	27
МАГИЯ И ДЕМОНОЛОГИЯ	
Л. Н. Виноградова. «Лыхый», «лукавый», «вумный»: эвфемистические названия черта (по данным полесской мифологической традиции)	31
О. А. Тарасенко, В. С. Алексинский. Таневичский чернокожничник	34
И. С. Бутов. Рассказы о «ходячих покойниках» в Минской и Гродненской областях Беларуси	37
К. А. Кожанов. Сглаз в традиции цыган-кэлдэрахов России	40
А. В. Черных. Змея в традиционных представлениях цыган-кэлдэрахов России	44
АРХИВНАЯ ПОЛКА	
И. С. Надбитова. Полевые записи калмыцких сказок (из фольклорных фондов Научного архива КалМНЦ РАН)	46
В КАБИНЕТЕ УЧЕНОГО	
С. М. Толстая. Лингвистика — этнолингвистика — фольклористика (о пользе сидения на двух или даже трех стульях)	50
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
В. Я. Петрухин. Е. М. Мелетинский. К 100-летию со дня рождения	52
ЭКСПЕДИЦИИ	
А. И. Чиварзина. Этнолингвистическая экспедиция на север Македонии	55
ПАМЯТИ УЧЕНЫХ	
О. В. Белова. «Фольклорный человек». Памяти Анатолия Степановича Каргина	58
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ	
Т. Г. Иванова. Взгляд фольклориста-филолога на книгу этномузыковеда	59
О. В. Белова. Коротко о книгах	61
О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике	63
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	
М.-В. В. Моррис. Международная школа-конференция молодых ученых «Наука как процесс: верификация знания и/или языки описания»	64
В. Е. Добровольская. XXIII Конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Поле и архив: фольклористика в XXI веке»	66
А. О. Краюшкина, С. Д. Пинскер, М. В. Строганов. Конференция «Тверское фольклорное поле»	68
Я. Д. Окландер. V Международная научная конференция «Демонология как семиотическая система»	69
Содержание журнала «Живая старина» за 2018 г.	71

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук; Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

Описанное празднование Фомина дня бывало в хуторах и селах Волгоградской области до 1950-х гг. Сейчас традиция исчезла, информация об обрядах этого дня сохранилась лишь в памяти пожилых жителей.

Примечания

¹ См. об этом: *Пальгов С. Ю.* Мотивы трагедизма в традиционных обрядах сельских жителей Нижнего Поволжья и Подонья // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: Сб. материалов 5-й междунар. науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 31 июля, 2014 г.). Махачкала, 2014. С. 25–26; *Рыблова М. А.* Весенние праздники у Донских казаков в XIX — нач. XX в.: половозрастной аспект // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. С. 414–438.

² Ср. *кало́шина* и *коло́шина* дон. 'штанина' (Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 12. Л., 1977. С. 364).

Список информантов

БАМ — Болдырева А. М., 1935 г.р., род. на х. Глуховском Кумылженского р-на, живет в Волгограде, 2015 г.
БЗД — Бондарь З. Д., 1930 г.р., х. Запольянский Даниловского р-на, 2017 г.
ВАМ — Воронкова А. М., 1927 г.р., х. Казиновский Серафимовичского р-на, 1995 г.
ГЕН — Гущина Е. Н., 1920 г.р., х. Краснянский Кумылженского р-на, 1997 г.
ДФИ — Давыдова Ф. И., 1914 г.р., ст. Кременская Клетского р-на, 1995 г.
ДКВ — Дерюжкина К. В., 1914 г.р., х. Логовский Клетского р-на, 1995 г.
ЖЛИ — Жукова Л. И., 1938 г.р., ст. Сергиевская Даниловского р-на, 2017 г.
ИЗУ — Ивахнова З. У., 1914 г.р., х. Бобы Даниловского р-на, 1997 г.
КАИ — Ковалёва А. И., 1932 г.р., х. Затонский Серафимовичского р-на, 1997 г.
КМА — Кравченко М. А., 1925 г.р., с. Козловка Руднянского р-на, 1996 г.
КНД — Красоткина Н. Д., 1931 г.р., х. Отруба Михайловского р-на, 2017 г.
КАН — Кузина А. Н., 1911 г.р., х. Орлы Михайловского р-на, 1996 г.

КРМ — Кузнецова Р. М., 1922 г.р., х. Казиновский Серафимовичского р-на, 1995 г.
МВВ — Макарова В. В., 1948 г.р., ст. Славцевская Кумылженского р-на, 2015 г.
МСА — Мохова С. А., 1943 г.р., ст. Скуришенская Кумылженского р-на, 2017 г.
НВИ — Никитина В. И., 1922 г.р., х. Новоцарицынский Клетского р-на, 1998 г.
ПАМ — Попова А. М., 1911 г.р., х. Шакин Кумылженского р-на, 2000 г.
ПМП — Просветина М. П., 1914 г.р., с. Козловка Руднянского р-на, 1996 г.
РФФ — Репникова Ф. Ф., 1927 г.р., х. Княжинский 2-й Михайловского р-на, 1996 г.
РАИ — Ржавская А. И., 1916 г.р., х. Терновка Фроловского р-на, 1995 г.
ФГЯ — Филиппова Г. Я., 1938 г.р., х. Горин Даниловского р-на, 2017 г.
ФМА — Филатова М. А., 1917 г.р., с. Козловка Руднянского р-на, 1996 г.
ФРД — Фролова Р. Д., 1927 г.р., с. Грязнуха Даниловского р-на, 1996 г.
ЧЗИ — Чувашева З. И., 1928 г.р., х. Озерки Иловлинского р-на, 2016 г.
ШИВ — Шеломанова И. В., 1938 г.р., ст. Сергиевская Даниловского р-на, 2017 г.

Владимир Евгеньевич Овсейчик,
канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Новополоцк, Республика Беларусь)

ОБРЯД ПРЫКЛАДЗІНЫ У БЕЛОРУСОВ ПОДВИНЬЯ

Своеобразной обрядовой традицией западной и центральной частей Белорусского Подвинья являются *Прыкладзіны*. Под ними понимается поминальный обряд, который совершается в течение первого года после похорон и сопровождается приведением могилы в порядок (обкладывание ее дерном, камнями, деревом, установка надгробий и др.). Обустройство могилы, установка на ней разнообразных конструкций в первую годовщину со дня смерти характерны и для других регионов Беларуси. Однако особенности обрядовых действий, которые сопровождают эту практику, свидетельствуют о существовании специфики данной традиции в северной Беларуси.

Прыкладзіны завершают цикл индивидуальных поминальных обрядов (поминовение отдельного умершего), которые происходят на кладбище. В ряде мест региона, как свидетельствуют материалы, эти поминки были последними и в общей структуре индивидуального поминовения, иные частные поминки отсутствовали: «Прыкладзіны дзелалі. Усю жыццё у Прыкладзіны. Вот сорок дней, і год у нас не было пераж» [ПГС]¹. После совершения обряда покойник переходил в категорию *дзядоў* (предков). В дальнейшем он поминался вместе с остальными умершими рода. Распространение в последнее время поминок на сорок дней и годовщи-

ну, по словам респондентов, приводит к исчезновению *Прыкладзінаў*: «Прыкладалі ў нас усё врэмя, цяпер ужо сорок дней робяць» [МГП].

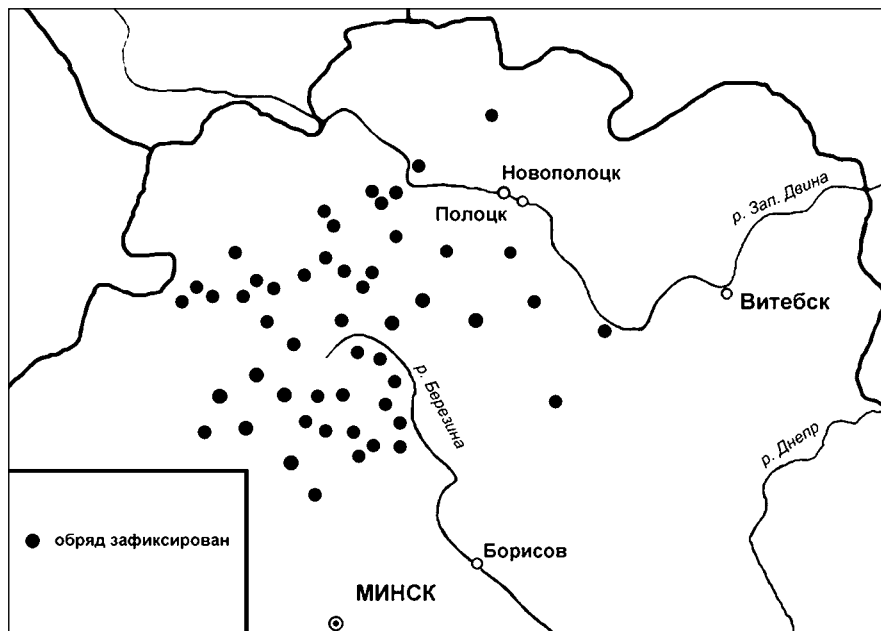
Название обряда. На территории Подвинья обряд фиксируется под разными названиями. Наиболее распространенным является вариант *Прыкладзіны*. Этимология слова связана с главным действием обряда — *прыкладаннем* (приведение в порядок могилы, обкладывание ее камнями, досками, кусками дерна). В регионе встречаются и другие названия обряда, производные от слов *прыкладаць* (*абкладаць*): *Акладзіны*, *Прыкладні*, *Прыкладны*, *Пракладзіны*. Само название, как свидетельствуют источники, не всегда обозначало весь обряд. Иной раз оно касалось только отдельных ритуальных действий, в первую очередь обрядовой трапезы [4. С. 598]². По свидетельству этнографа середины XIX в. Ю. Ф. Крачковского, в Вилейском уезде домашний поминальный ужин, который предшествовал упорядочению могилы, имел название *пакойныя памінкі*. В то же время под *прыкладзінамі* понимали продолговатую четырехугольную доску, которую укладывали на могилу [9. С. 158, 160]. В районе пос. Бегомль (Докшицкий район) этот поминальный обряд известен под названием *Хаўтуры* [11. С. 228]³. Его особенностью является разжигание на кладбищах костров в день, который

предшествовал приведению могилы в порядок (см. ниже).

В Западном Подвинье (Поставский, Шарковщинский районы) распространено название *Асяніны* (так называют в этом регионе и осенние *Деды*)⁴ [13. С. 207; 4. С. 598–599]. Существование одного названия для обозначения двух обрядов может объясняться тем, что в этой местности в прошлом обустройство могилы и *Деды* являлись частями единого обрядового комплекса осеннего поминовения умерших. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что *Прыкладзіны* часто совершают в день, который предшествует *Дедам*. Кроме того, наличие домашних поминальных трапез накануне и в день *Прыкладзінаў*, которые по своему характеру и структуре напоминают поминальные трапезы на *Деды*, также указывает на общий характер этих обрядов.

Ареал обряда. *Прыкладзіны* распространены в западной и центральной частях Витебской области, а также в Вилейском, Борисовском и Логойском районах Минской области (см. карту). Традиция «прыкладаць» могилу недавно умершего зафиксирована преимущественно среди православного населения, но встречается и у католиков. У католического населения данный обряд существует в значительно упрощенном варианте и происходит обычно без трапезы на кладбище [10. С. 77].

При характеристике ареала обряда *Прыкладзіны*, который преимущественно воссоздан на основе материалов современных полевых исследований, необходимо отметить неодинаковую степень полноты обря-

Ареал обряда «Прыкладзіны» на тэрыторыі Беларускага Подвінья

да, количества его элементов и степени их сохранности в разных частях региона. Если в Докшицком районе и части Глубокского даже в настоящее время обряд фиксируется достаточно полно, то в других местах он представлен фрагментарно. На большей части региона распространена только традиция обустройства могилы. В то же время ритуальные действия, которые сопровождают «прикладанье», и обрядовая трапеза фиксируются не повсюду.

Время проведения. В Подвинье *Прыкладзіны* проводят в первую осень после похорон. На большей части региона обряд совершается в октябре или в начале ноября, до осенних *Дедов*, в первую, вторую или третью субботу после Покрова (1/14.X). Иногда обряд совершается и в другие дни недели в рамках этого периода. В наши дни время ритуального обустройства могилы иной раз может варьироваться. Однако и для современных сельчан обязательным остается совершение обряда до осенних *Дедов*: «Прыкладаюць, да. Гэта нада, нада каб памрэць, вот нада каб да Асянін прылажылі» [ИИП].

В разных частях Подвинья точное время проведения обряда отличалось. Даже в пределах небольшого региона *Прыкладзіны* иной раз совершали в разные дни: «Гэта первая і втарая субота, можна первую і втарую у нас, у нас. А вот там за ракой уже считалась Пустаселле, там і туда дальшэ ужэ прыкладалі дажэ ў трэцію, трэцію суботу. У нас тут ужэ у трэцію не перакладалі. Гэтак устаноўлена, вот» [КЯВ].

Структура обряда. Общая структура обряда включает следующие этапы: подготовка к празднику (уборка в доме и на дворе, мытье в бане, подготовка необходимых вещей для установки на

могиле), постный обрядовый ужин и (или) завтрак (фиксируются не везде), поминальная служба в храме, обустройство могилы (с обязательной трапезой на кладбище), ритуальная трапеза дома после возвращения с кладбища. В разных частях региона обряд имеет не одинаковую степень сохранности и некоторые из этих этапов иногда отсутствуют. В районе пос. Бегомль (Докшицкий район) обряд имеет еще один специфический этап, который включает посещение кладбища вечером накануне «прикладання» и разжигание там костра.

Подготовка к празднику. Обряду всегда предшествовала тщательная подготовка. В этнографических источниках отмечается традиция накануне *Прыкладзінаў* убирать в доме и на дворе [9. С. 158; 4. С. 599; 11. С. 228]. Для обустройства могилы нужно было заранее подготовить все необходимое. Традиционно готовили каменное надгробие или крест, а также дополнительные деревянные конструкции. Как правило, последние были нужны в том случае, если надгробие или крест из камня не устанавливались (как свидетельствуют источники, из-за бедности сельчан). К таким атрибутам относятся *прыкладка* (очесанное полено длиной с могилу), *абрубчык* (деревянный кант по периметру могилы) и т.д. [15. С. 155; 4. С. 599]. Накануне «прикладання» в ряде мест обязательной процедурой было мытье в бане [6. С. 497; 11. С. 228]. Такая практика у белорусов Подвинья характерна и для других календарных поминальных обрядов [1. С. 313–331].

Обрядовые трапезы накануне «прикладання». Вечером накануне обустройства могилы в ряде населенных пунктов совершают поминальную трапезу. По свидетельству Ю. Ф. Крачков-

ского, на этот ужин приглашали гостей. Перед иконами зажигали «грамнічную» свечу. Гости становились вокруг стола и молились, после чего садились за стол и принимались за водку. Первую рюмку проливали на стол (для покойника). Выпивая первую рюмку, каждый произносил: «Няхай дасць Бог душы неба, рай светлы, пакой вечны». Трапеза продолжалась всю ночь и завершалась молитвой [9. С. 158–159].

Специфичной чертой этого поминального застолья было употребление только постных блюд. Ассортимент такой трапезы мог выглядеть следующим образом: «Тожа дзелалі памінкі. Сазываюць радню. Бываець, посную давалі толькі вячэру. <...> дома, варылі з грыбамі. Былі і каноплі, і мак. А назаўтра скаромная стаўлялі»⁵.

В ряде населенных пунктов региона зафиксирована традиция совершать трапезу утром в день обустройства могилы [15. С. 155; 9. С. 159]. Так, в д. Гнездилово (современный Докшицкий район) утром в день *Прыкладзінаў* к хозяину приходили все, кто принимал участие в похоронах, на постный завтрак [15. С. 155].

Поминальная служба. Неотъемлемым элементом поминовения является посещение храма [15. С. 155; 11. С. 228; 16. С. 380; 5. С. 217]. Такая поминальная служба проходила в день совершения обрядовых действий, но обязательно до обустройства могилы. В этнографических источниках отмечены также случаи присутствия священника в этот день на кладбище. В такой ситуации поминальная служба проходила непосредственно на кладбище [4. С. 599; 15. С. 155; 9. С. 160]. На кладбищах в этот день собирались также «старцы» (нищие), которые молились за умершего. За это их одаривали деньгами, едой и в особенности *курчыкамі* — небольшими хлебцами, специально выпеченными к празднику [9. С. 160; 4. С. 599].

Обустройство могилы. В назначенный день родные покойника собирались на кладбище и занимались приведением могилы в порядок. Этнографические источники свидетельствуют о существовании традиции установки на могилах в этот день каменных надгробий или деревянных конструкций, которые напоминали крышку гроба [15. С. 155; 16. С. 380]. В современный период на большей части региона распространено обкладывание могилы вырезанными кусками дерна: «Прыкладаюць тожа ўвосень. У маябрэ. Дапусцім, вот магілка пяском абложана. А патам у нас такі звычай — дзе-небудзь на луку выразаюць такія вот ліштвы і прыкладаюць з адной стороны, і з другой, і з трэціей» [ЛМА]. Однако в наши дни даже обкладывание могилы дерном постепенно исчезает в связи с распро-

странением бетонных и металлических надгробий: «Ну, цяпер ў аснаўном паметнікі ставюць і ўсё, а прыкладаць не прыкладаюць» [КНА].

Все операции по обустройству могилы, как следует из этнографических источников, выполняли родные покойника. Однако зафиксированы и случаи запрета на участие родных в операциях по «прикладанию» могилы умершего⁶: «Абкладалі ў пятніцу. Як халодна, то палілі. Завуць людзей, самі ж не абкладавалі сваю магілку родныя, нельзя. Абкладавалі чужыя людзі, звалі саседзей ці мужыкоў якіх» (д. Сосновая Докшицкого района)⁷. По свидетельству С. Нечаева, в районе пос. Бегомль (Докшицкий район) родные умершего не участвовали даже в богослужении в день обустройства могилы [11. С. 228].

«Прикладание» могилы, по мнению белорусского сельского населения Подвинья, совершалось не только для приведения ее в порядок («каб яна не распаўзалася» [АЛМ]), но и для «согревания» умершего зимой: «[А Прикладзіны рабілі каб дзядам цяплей было?] Ну гэтак кажуць, што пакойніку цяплей. Кажух надзяваюць» [МГП]. В свою очередь, неисполнение данной процедуры грозило тем, что покойник будет сниться или беспокоить живых: «Вось, хто не прыложыць, тады сніцца яму. Што мне халодна, і ўсе стараюцца прылажыць» [СММ]. Преждевременное обустройство могилы также считалось неправильным. И в этом случае покойник мог беспокоить живых: «Не, нельзя раньшы. А то прысніцца і скажаць: “Горача мне”. Было гэтак. Манька расказвала. Матка прыснілася ей, што заранняя ўкрылі, аблажылі» [АНН].

В районе пос. Бегомль (Докшицкий район) для «согревания» умершего накануне *Прикладзінаў* существовала традиция разжигать на кладбищах костры: «Касцёр, казалі, нада на зіму падагрэць»⁸. Выполнение данных ритуальных действий происходило во второй половине дня. По свидетельству С. Нечаева, в прошлом существовало более точное определение времени этих операций. На кладбище отправлялись после заката солнца, а возвращались оттуда к полуночи. Считалось, что после полуночи покойники встают из своих могил, а потому могут навредить живым. На кладбищах в этот день сжигали не только хворост и мусор, но и специально привезенные дрова [11. С. 228]⁹. Костер, как правило, разжигали в «ногах» могилы (за исключением случаев, когда на кладбище делали один большой общий костер). Это было обусловлено нуждой «греть» умершим ноги: «Грэюць, каб цёпла ў ногі было»¹⁰. Существование подобной традиции может объяснить частое нахождение углей в позднесредневековых могильниках Подвинья [8. С. 62].

После «прикладания» непосредственно на самой могиле совершалась трапеза и происходило поминовение умершего. Ритуальная трапеза на кладбище иной раз начиналась с молитвы и завершалась ею: «Зразу молюцца. Молюцца тады ўжо ядуць стравы. Ну, стравы якую хто прыстроіць. Гэта ж тамака хто катлеты пякуць, ну, усяго» [ГТВ]; «Маліліся. Ну, там на самым перадзе малітва і ў па канцы тады молюцца, як адходзіш» [КГИ].

В ряде населенных пунктов Подвинья (зафиксировано в Докшицком и Глубокском районах) еще сохраняется архаичная традиция приносить на кладбище в качестве ритуального блюда вареного петуха (или курицу, если поминали женщину). При этом существовали довольно характерные действия, связанные с головой петуха (курицы) — закапывание ее возле креста: «Засцілалі магілку настольнікам найніцай уверх. Патом як памрэць мужчына, кураціна нада была, каб была на закуску, а мужчына, а петуха тады нада, каб быў пятух, а галаву ўкопвалі каля крыста. А як жанчына, тады курыцу рэзали на мяса, а галаву укопвалі каля крыста» [КГИ]; «Петуха самае глаўнае, як мужчына памёр, тады петуха. Як жанчына — тады курыцу варым. Тады нясем цэлюю на могілкі, тады адрываюць галаву тамака і закапваюць у гэту. А гэтага петуха тады раздзелваюць і ядуць. Уся радня. Тады ж радню сбіраюць усю» [ГТВ]. Е. Ф. Карский характеризовал похожую традицию, зафиксированную в середине XIX в. в Ошмянском уезде, как «удивительный отголосок старины». Исследователь соотносил ее с обычаем приносить в жертву петухов при обряде трупосожжения у древних славян [7. С. 299]. Поскольку с петухом связана символика воскресения из мертвых и вечного возрождения жизни, данная традиция не представляется удивительной. По мнению В. Н. Топорова, в этом контексте возможно толкование образа петуха, помещенного на могилах, крестах, камнях и др. [12. С. 310]. Не случайными являются и находки костей петуха в белорусских курганных могильниках [3. С. 355].

Неотъемлемым элементом обрядовой трапезы на кладбище было оставление части еды и водки для покойника: «Як жа ж мы прыходзім, дык тады ўжо во памоллюцца і начынаюць. Гарэлку ж нясем, тады гарэлку ўліваем у чарку і кладзём каля чаркі ежу» [ГТВ]. В прошлом, как следует из источников, существовал несколько иной способ «угостить» умершего. Так, каждый проливал из рюмки несколько капель водки на могилу, а в конце трапезы все остатки еды стряхивали со скатерти на могилу [15. С. 155].

Поминальная трапеза иной раз совершалась дома после возвращения с кладбища. В ряде случаев на нее приглашали

не только родных, но и тех, кто был на похоронах: «Ну, а калі прыкладаеш, у той дзень, ці вечар <...> Застолле абязачельна. Тое нада што і на пахароне былі. І што яму капалі, і свае родныя» [КАВ]. В отличие от поминального ужина накануне *Прикладзінаў* эта трапеза включала мясные блюда. Православный священник А. Троицкий описывал характерные действия, которые совершались во время такого застолья в д. Гнездилово (современный Докшицкий район) после возвращения с кладбища с жареным петухом — обязательным блюдом на этой трапезе. Так, петуха брала одна из старух и начинала пет, как петух. Поднимался общий гам, гости бросались к старухе, чтобы отобрать петуха, но она убегала, сопротивлялась. В итоге петуха отнимали и делили. По окончании игры с петухом гости высказывали хозяину пожелание будить жителей дома после пения петухов [15. С. 155].

Таким образом, отличительной поминальной традицией белорусов западной и центральной частей Подвинья является обряд *Прикладзіны*. В современный период обряд существует в значительно редуцированном виде, а в некоторых местах вообще исчез. На значительной части территории региона сохраняется только практика обустройства могилы в ближайшую осень после похорон. Даже традиционное обкладывание могилы дерном постепенно исчезает в связи с распространением новых материалов (бетон, металл) в оформлении надгробия. Вместе с тем в ряде мест Подвинья (преимущественно в Докшицком районе) обряд сохраняет архаичные элементы, которые еще в середине XIX в. расценивались как остатки далекой древности.

Примечания

¹ Все полевые записи сделаны в Витебской области.

² См. также: Фальклорна-этнографічны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Фонд 1. Воп. 3. Спр. 7. Матэрыялы фальклорна-этнографічнай экспедыцыі ў вёскі Свіркі і Валодзькі Докшыцкага раёна (2012 г.). Запісы Магошка А. Л. 11.

³ См. также: Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus. 15. P. 64, 77.

⁴ В регионе осенние *Деды* празднуются в разные дни (зависит от локальной традиции) в период от Покрова (1/14.X) до Дмитриевской поминальной субботы (последняя суббота перед днем памяти великомученика Димитрия Солунского, 26.X/8.XI).

⁵ Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. 7647... P. 110.

⁶ Согласно традиционным представлениям белорусов Подвинья, все процедуры на похоронах должны выполняться чужие люди. Такие представления характерны и для современного периода [2. С. 201].

⁷ Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. 7647... P. 77.

⁸ Ibid.

⁹ См. также: Ibid. P. 65.

¹⁰ Ibid. P. 64.

Литература

1. Аўсейчык У. Я. Каляндарныя памінальныя абрады беларусаў Падзвіння (па матэрыялах XIX — пачатку XXI стст.) // *Białorutenistika Białostocka*. Т. 7. 2015. С. 313–331.

2. Аўсейчык У. Я. Пахавальна-памінальная абраднасць вясковага беларускага насельніцтва Падзвіння ў канцы XX — пачатку XXI стагоддзя // *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. А: Гуманіт. навукі. 2010. № 7. С. 201.

3. Валодзіна Т., Дучыц Л., Санько С. Певень // *Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн.* / Навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск, 2011. С. 355–356.

4. Гарошка Т. Г. Народныя святы, абрады, звычаі // *Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна*. Мінск, 2001. С. 593–599.

5. Дмитриев М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869.

6. Дучыц Л. Хаўтуры // *Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн.* / Навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск, 2011. С. 497.

7. Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Ч. 1: Народная поэзия. М., 1916.

8. *Квятковская А. В.* Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998.

9. *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. М., 1874.

10. Лобач У. А. Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі XX — пач. XXI ст. // *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. А: Гуманіт. навукі. 2008. № 1. С. 71–82.

11. *Нечаев С.* О поминении умерших: нечто из религиозных обрядов и суеверий в Бегомльском приходе Борисовского у. // *Минские епархиальные ведомости*. 1874. № 7, 15 апреля (часть неофициальная). С. 227–232.

12. *Топоров В. Н.* Петух // *Мифы народов мира: Энцикл.*: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 309–310.

13. Традиційная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 2: Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева, А. М. Боганева, М. А. Козенка і інш.; склад. Т. Б. Варфаламеева. Мінск, 2004.

14. Традиційная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 5: Цэнтральная Беларусь / В. І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай: У 2 кн. Кн. 1. Мінск, 2010.

15. *Троицкий А.* Уклад // *Литовские епархиальные ведомости*. 1875. № 18, 4 мая. С. 153–155.

16. *Tyszkiewicz E.* Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodatkiem wiadomości: o obyczajach, śpiewach,

przysłowia i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach i t.d. Wilno, 1847.

Список информантов

АЛМ — Алесько Л. М., 1939 г.р., д. Ульшино Миорского р-на, зап. В. Е. Овсейчик в 2009 г.

АНН — Аксютин Н. Н., 1936 г.р., д. Саковичи Докшицкого р-на, зап. Т. В. Володина в 2007 г.

ГТВ — Гапанёнок Г. В., 1933 г.р., д. Володьки Докшицкого р-на, зап. А. В. Мотшк в 2012 г.

ИНП — Иванская Н. П., 1937 г.р., д. Литовцы Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик в 2011 г.

КАВ — Корнилович А. В., 1937 г.р., д. Тумилевичи Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик, В. А. Лобач, В. С. Филиппенко в 2009 г.

КГИ — Крупская Г. И., 1930 г.р., д. Володьки Докшицкого р-на, зап. А. В. Мотшк в 2012 г.

КНА — Кожемяченок Н. А., 1929 г.р., д. Березино Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик в 2011 г.

КЯВ — Куркуль Я. В., 1936 г.р., д. Глинное Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик в 2011 г.

ЛМА — Лукашевич М. А., 1926 г.р., д. Гребени Докшицкого р-на, зап. Т. В. Володина в 2007 г.

МГП — Маркович Г. П., 1931 г.р., д. Старино Докшицкого р-на, зап. В. А. Лобач, С. Клопова, А. Высоцкая в 2009 г.

ПГС — Пецько Г. С., 1931 г.р., д. Речные Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик и Б. Жаховский в 2009 г.

СММ — Сваток М. М., 1941 г.р., д. Нестеровщина Докшицкого р-на, зап. В. Е. Овсейчик и В. А. Лобач в 2009 г.

КУПАЛЬСКИЕ ОБРЯДЫ В БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВНЯХ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ (по материалам экспедиций Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова)

Купальские обряды в деревнях Ветковского района, как и в пограничных с ними населенных пунктах Добрушского, Чечерского и Гомельского районов, не относятся к числу наиболее распространенных. Практически ни в одном населенном пункте нам не удалось зафиксировать их в полном объеме — рассказы, в которых упоминались бы и песни, и костры, и венки, и поиски цветка папоротника (*папарты-кветка*). Где-то — только костры, где-то — венки, где-то — песни; чаще всего — рассказы о купальских ведьмах¹. Обычно жители деревень на вопросы о Купалье просто говорили, что не празднуют.

Хотя несколько примечательных рассуждений (с упоминанием бесчинств) нам удалось услышать:

Удзецтві проціў Купалля, ночку вырывалі бядседкі, лавачкі, палка дзе ляжыць якая, на дарогу выкацяць. А костры... Етага не было. Ета з западнага прышло, з Гродненшчыны, з Эстоніі. Ета ўсё язычства, ета не праваслаўная, ета адтуль усё аталася. Мы зналі, што каталічэская вера і праваслаўная, а болей мы ні зналі. А ціпер секты, неўма сколькі вер ужэ стала і размножылася за етыя во годы [21. Тетр. 126. Л. 19].

Эта не цэркоўны празнік. Раждзество Іанна Прэдцечы — эта празніца. А што эта

Купала? У эта ж урэмя пост. Шастога вечырам. Якая вісёлка? Пьюць, гуляюць, скачуць. У цэркву нам некада схадзіць і некада падумаць пра Бога, бацюшку паслушаць [24. Тетр. 132. Л. 71].

Скорее всего, купальские обряды были поглощены знаковым для местной традиции обрядом «Ваджэння і пахавання «стралы» («сулы»», который исполняется на *Ушэсце* (Вознесение). Как элементы этого обряда нам приходилось видеть и плывущие по реке зажженные колеса (д. Нисимковичи Чечерского района), и женщин, которые прыгали через самые настоящие «купальские» костры. Уникальным в этом плане является то, что в д. Лагуны Добрушского района обряд «Сула» исполняется на Купалу. Более того, в него включены элементы обряда, известного под названием «Проводы русалки».

Ночи не спали маладзёж, цяпло накладуць, цераз цяпло перакідалі каткі. Вянкі плятуць із красак, спялтуць з розных красак, каторыя растуць на лугах, і тады эты вянок ужэ кідаюць у ваду, каторы паплыве,